

Майк Гелприн

Муравейник

Майк Гелприн
Муравейник

«Демина Людмила Дмитриевна»

2011

Гелприн М.

Муравейник / М. Гелприн — «Демина Людмила Дмитриевна», 2011

«Капитан Старков оглядел добровольцев. Двенадцать человек, смертников. Впрочем, они здесь все смертники: и те, кто через полтора часа начнёт пробираться через нейтралку, и те, кто будет их прикрывать. А по большому счёту, и все остальные, включая его самого, вопрос лишь в том, насколько велика отсрочка. – Готовы, ребята? – тихо спросил Старков. – Готовы как к быку коровы, – бормотнул хмурый мосластый Корепанов, бывший уголовник, которого ополченцем-то назвать у Старкова язык не поворачивался. – Нормально, товарищ капитан, – улыбнулся стоящий рядом с Корепановым Стёпка Чикин, широкоплечий черноволосый красавец. – Под землю нырнём, дальше не страшно. – Ладно, парни. Выдвигайтесь...»

© Гелприн М., 2011

© Демина Людмила Дмитриевна, 2011

Майк Гелприн Муравейник

Капитан Старков оглядел добровольцев. Двенадцать человек, смертников.

Впрочем, они здесь все смертники: и те, кто через полтора часа начнёт пробираться через нейтралку, и те, кто будет их прикрывать. А по большому счёту, и все остальные, включая его самого, вопрос лишь в том, насколько велика отсрочка.

– Готовы, ребята? – тихо спросил Старков.

– Готовы как к быку коровы, – бормотнул хмурый мосластый Корепанов, бывший уголовник, которого ополченцем-то назвать у Старкова язык не поворачивался.

– Нормально, товарищ капитан, – улыбнулся стоящий рядом с Корепановым Стёпка Чикин, широкоплечий черноволосый красавец. – Под землю нырнём, дальше не страшно.

– Ладно, парни. Выдвигайтесь.

Старков проводил взглядом растворившуюся в вечерних сумерках дюжину добровольцев и двинулся по начальству – к превращённому в штаб полка сельскому домику на окраине посёлка Ульяновка. Стылый порывистый ветер налетел, хлестанул по лицу моросью. Капитан поёжился, застегнул шинель, нашарил в кармане сигареты, умело прикурил на ветру, пошагал дальше. Полковник Луценко ждал на крыльце. Здоровенный, рослый, скуластый, в дымчатых, скрывающих глаза очках. Очки шли полковнику как обезьяне галстук. Носил он их, однако, не снимая, и подчинённые шушукались за спиной, что у Луценко, видать, косоглазие, если не базедова болезнь.

Старков, оскальзываясь в ноябрьской хляби, потрусил к полковнику через двор.

– Добровольцы ушли, – доложил капитан, козырнув. – Три группы по четыре человека в каждой, товарищ полковник.

Луценко кивнул, кинул взгляд на часы.

– Пойдёмте на батарею, – коротко бросил он.

Батарея была неподалёку, за чахлым перелеском, наполовину изведённым на дрова для костров. Собирали её с миру по нитке. Были в батарее три гаубицы, чудом уцелевшие после предыдущей артподготовки. Четыре «Гиацинта», неизвестно как сохранившиеся в почти полностью уничтоженной воинской части под Стрельной. И полдюжины САУ, врытых в землю и кое-как замаскированных. Кое-как потому, что маскировка была не эффективна – приборы, установленные на летательных аппаратах противника, находили цели безошибочно. И наземные, и подземные, и упрятанные под воду, и перемещающиеся в воздухе. Неэффективной, впрочем, оказалась не только маскировка, а, по сути, военная техника в целом. Кроме, пожалуй, личного оружия, из которого можно было, по крайней мере, застрелиться.

Застрелиться Старков хотел неоднократно. Впервые в тот день, когда стало ясно, что жена и дети погибли, потому что в центральных районах Питера не уцелел никто. Потом – когда массированная танковая атака на город была подавлена, а семьдесят процентов атакующих уничтожено. Затем – когда не взорвались ядерные заряды в выпущенных по захваченному городу носителях. И, наконец, две недели назад – за компанию с майором Ручкиным, под началом которого служил последние десять лет и который пустил себе пулю в лоб у капитана на глазах. Был Ручкин начальником разведки, и должность досталась Старкову, можно сказать, по наследству.

– Вольно, – скомандовал полковник Луценко начавшему было докладывать о готовности старлею, командиру батареи. – Снарядов не жалейте, расходуйте всё, что есть.

– Всё, что есть, не успеем, товарищ полковник.

– Тогда всё, что успеете. Вас поддержат с воздуха.

Бессмысленно, думал Старков, глядя на старшего лейтенанта, который наверняка не доживёт до завтра. Батарею, несомненно, уничтожат, так же, как и поддержку, весь вопрос в том, сколько времени удастся отвлекать этих гадов от пробирающихся по нейтралке добровольческих групп. Впрочем, неизвестно даже, удастся ли их отвлечь вообще. А если и удастся, шансы, что хотя бы одна группа вернётся и приведёт пленного муравья, невелики. До сих пор их, этих пленных, не было.

Иногда удавалось подбить сомбреро – так называли боевые летательные аппараты пришельцев. До земли, однако, подранки не долетали – всякий раз срабатывала программа самоуничтожения, и на поверхность падали лишь разнесённые внутренним взрывом обломки.

Имели сомбреро форму гнutoго диска с нахлобученным по центру усечённым конусом. Они действительно походили в полёте на лихо заломленную на затылок мексиканскую шляпу. Увы, только походили, так же, как экипажи сомбреро лишь походили на увеличенных в сотню раз в размерах рыжих муравьёв. Их иногда удавалось разглядеть в бинокли. Вблизи же чужаков не видал, вероятно, никто. Никто из тех, кому повезло уцелеть.

Пушечные и гаубичные батареи открыли огонь ровно в восемь. По всему фронту – окружающему Санкт-Петербург кольцу. Задрав голову в небо и стиснув зубы, Старков смотрел, как уходят на север снаряды и мины. Часть из них, возможно, долетит и взорвётся в центре города, в котором он родился и вырос. Города, который три месяца назад пришельцы атаковали с воздуха, прошили уничтожающим биологическую жизнь излучением, искорёжили и превратили в муравейник.

Возможно, удастся прибить пару-другую сотен чужих. И – всё, на их место встанут новые. Старков не знал, как эта сволочь размножается и размножается ли вообще, но очевидцы, спасшиеся с городских окраин, уверяли, что из упавших на Питер гигантских волчков высаживались тысячи и тысячи этих гадов. Высаживались и сходу взлетали в изринутых из чрев волчков сомбреро.

Противник контратаковал через двадцать пять минут после начала канонады. С десятков летательных аппаратов разом материализовались над позициями. Они всегда появлялись именно так – внезапно. Старков не знал, гасили ли сомбреро чудовищную, делающую полёт невидимым, скорость или были вынуждены смещаться в видимый диапазон для ведения боевых действий.

Дальнейшее в памяти отложилось плохо. Ни как инопланетники расстреливали гаубичную батарею, ни как вслед за ней уничтожали открывшую огонь зенитную, ни как подавляли вынырнувшие из облаков звенья Мигов, капитан не помнил.

– Гады, гады, гады! – кричал кто-то над ухом, перекрывая рёв самолётных моторов и грохот взрывов. – Гады-ы-ы-ы!

Старков пришёл в себя, когда рёв и грохот уже смолкли, сомбреро убралось – растворились в воздухе как не бывало, и остался только истошный, пронзительный, вонзающийся в барабанные перепонки крик. Прекратившийся, лишь когда Старков осознал, что кричит он сам.

* * *

– Сейчас н-начнётся, – прапорщик Платонов кинул взгляд на часы. – Уходим н-на рывок с первым залпом, – запинаясь, продолжил он. – Готовы? Подключить п-приборы.

Стёпка Чикин скривился. Явно трусивший армейский ему не нравился. А прибор ночного видения, в отличие от Платонова и остальных, был не нужен. В темноте Стёпка видел прекрасно, как и свойственно чёрному археологу, диггеру, исходившему и исползавшему сотни километров в чреве города, в его путаных чёрных кишках.

– Закурить бы, – мечтательно сказал Коля Довгарь, долговязый жилистый псковский работяга. – Мочи нет терпеть.

– На том свете п-покурим, – отозвался Платонов.

– Метлу придержи, начальник, – резко обернулся к прапорщику Корефан. – Ещё раз про тот свет болтнёшь, урою. Под землёй покурим, – бросил он Коле. – Потерпи, кореш. Верно я говорю, копаль?

– Верно, – подтвердил Стёпка. – Под землёй можно.

Корефан кивнул. Был он из уголовников, хмурый, злой и жизнью битый. В добровольцы вызвался, узнав, что идёт Стёпка, единственный человек в ополченческой роте, которому более-менее доверял и к которому прислушивался. Видимо, диггерство казалось бывшему урке достойным уважения занятием.

Стёпка взгляделся в темноту. Нейтральная полоса начиналась здесь, у Ленинского проспекта, и тянулась через весь Кировский район и дальше, до набережной Обводного канала. Была нейтралка сплошной грудой развалин – жилые и производственные здания муравьи сравнивали с землёй в первые две недели после вторжения. И сейчас постепенно надвигались на нейтралку из центра, одно за другим возводя гигантские, цепляющиеся друг за друга уродливые строения – муравейник.

– Ты вот что, прапор, – сказал Стёпка Платонову. – Как полезем на нейтралку, командуй. Но как только доберёмся до лаза – забудь. Дальше я поведу, понял?

– Он т-точно есть, лаз? – голос у Платонова по-прежнему срывался.

– Точно сейчас ничего не бывает. Кроме времени. Сколько там на твоих?

– Без д-двух восемь.

– Ладно.

Стёпка замолчал. До лаза – уходящего под землю хода в бывшую станцию метро «Дачное» – по прямой было километра полтора. С учётом, что придётся пробираться через развалины – вдвое больше. Одолеть надо за полчаса, столько обещал продержаться капитан. Если не успеют, их обнаружат и прикончат наверняка. Испепелят лучевым разрядом, сгустком антиматерии или ещё какой дрянью. О вооружении противника ополченцам рассказывал очкастый дядька, доставленный на передовую прочитать доклад про то, от чего предстоит подохнуть. Стёпка слушал вполуха: чем именно для него всё закончится, было без разницы. Если... не дал додумать обрушившийся с юга раскатистый рёв.

– Пошли, – рявкнул Платонов.

Стёпка, закинув за спину АКМ, выскочил на нейтралку. Петляя по развалинам, группа устремилась на север. Быстрее, быстрее, ещё быстрее, отчаянно било в висок. Ещё быстрее, ещё.

– Вот они, суки! – заорал за спиной Корефан. – Падлы, гниды позорные!

Стёпка на секунду остановился, задрал голову, замер. С десяток муравьиных сомбреро зависли в зените, на них пикировали сверху звенья истребителей и штурмовиков, снизу нащупывали прожекторами, огрызались снарядами зенитные батареи.

– Вперёд, – заорал Корефан. На секунду его хищное, с разъявленным в крике ртом лицо оказалось вровень со Стёпкиным. – Рвём когти, кореш, к хренам, к мать-перематери.

Сомбреро прошили окружающее пространство тонкими бледно-розовыми лучами. Вспышка поглотила вывернувшийся из пике штурмовик, луч надвое развалил решившийся на таран истребитель.

Грохот и рёв стихли, когда до лаза осталась какая-то сотня метров. Стёпка на бегу оглянулся. Сомбреро одно за другим уходили, набирая скорость, в облака, растворялись в небе.

«Ну же! – подстегнул себя Стёпка. – Давай!».

Обдирая ладони о бетон, он подтянулся на вывороченном из земли блоке, перевалился по другую его сторону. Лаз был рядом, Стёпка наизусть заучил отснятую с воздуха карту. Вон за той конусообразной кучей мусора.

Чикин бросился к ней, сзади в затылок тяжело хрипел Корефан. Стёпка обогнул кучу, обернулся, поджидая остальных. Платонов, полусогнувшись, преодолевал завал метрах в пятидесяти позади. Коля Довгарь отставал, его длинная нескладная фигура появилась в прорези между двумя вставшими на попа бетонными блоками и вновь исчезла.

– Быстрее, мать вашу, – прохрипел Корефан. – Ох, мля...

Сомбреро, вывернувшись из облаков, понеслось по параболе вниз.

– В лаз! – заорал Стёпка. Рванулся, увлекая за собой Корефана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.